

В. А. Липатов

РАБОЧАЯ ЭТИКА В СКАЗАХ П. П. БАЖОВА

Рабочая этика формируется в глубинах коллективного бессознательного в процессе многолетних социальных, производственных, семейных и иных отношений людей, так или иначе связанных с товарным производством.

Этика реализует себя в конкретных поступках, вербализуется в устойчивых фразеологизмах - пословицах, поговорках, прозвищах, а также притчах, которые под пером П. П. Бажова приобрели форму литературного сказа. В них писатель - великолепный знаток традиционной уральской культуры - свободно оперируя известным данной культуре набором конкретных примеров поведения, ставит своих героев в заимствованные из устных рассказов или придуманные им самим ситуации.

Генетически рабочая этика связана с традиционным поведением русского крестьянства, первым освоившего огромные малообжитые пространства по обе стороны уральского хребта. Эта связь поддерживалась не только общими историко-культурными воспоминаниями, обогащая элементами анимизма местный фольклор, но и вполне конкретными формами хозяйствования. Удаленный от центральной России уральский промышленный регион отличался, по наблюдению современных исследователей, «оригинальным строем промышленности» или, как метко назвал его В.И. Ленин, «особым бытом Урала»¹. В отличие от наемных работников не только Западной Европы, но и европейской России уральский рабочий был тесно связан, с одной стороны, с заводом, основным источником его благосостояния, а с другой, с землей, лесом, покосом, которые он якобы «бесплатно, либо за пониженную плату получал от завода»².

«Власть земли», устойчивые кровнородственные, социальные и производственные связи формировали особый патриотизм уральцев, который, в свою очередь, стимулировался жившими в подсознании многих архетипическими представлениями об Уральских горах. Рифейские или Гиперборейские горы, как древние называли Урал, долгое время казались окраиной ойкумены³, а «окраины ойкумены, – как полагал еще Геродот (между 490 и 480 - около 425 г. до н. э.), – по воле судьбы щедро наделены редчайшими и драгоценнейшими дарами природы.

Следует признать, что Уральские горы не обманули этих ожиданий: были здесь и природные богатства, было здесь немало и трудностей, как природных, так и социальных. Но даже, когда со временем заметно опустели природные кладовые Урала, а отмена крепостного права сделала уже не такой рентабельной продукцию здешних заводов, «местное население упорно держалось за родные места. ...Это упорство, в какой-то мере, поддерживалось и многочисленными, оставшимися еще от крепостной поры легендами о «земельных богатствах» края» (2: 270). Все это, в конечном счете, приводило к тому, что даже невыносимые условия труда или отсутствие на заводе заказов, а, следовательно, и заработка редко заставляли рабочих сниматься с насиженного места (3: 8-9).

Связанное с богатством природных ресурсов края многообразие видов труда, «особый быт Урала» способствовали формированию различных типов уральских рабочих, их характеров: от нелюбимых «чертознаев» до привыкших к работе на людях и потому острых на язык цеховых работников. Пожалуй, ярче всего эти различия изображены П. П. Бажовым в сказе «Живой огонек», где один из героев, «мастер по огранке дорогих камней Митьша Звонарев» «за станочком в одиночку в молчанку больше играл», а его приятель Ваньша, теперь уж Иван Осипыч, «...весь век на людях крутился. На народе, известно, без шуток да прибауток, без шуму да гаму, без рассорки да мировой не проживешь...» (2: 184, 185–186).

Вместе с тем, главное достояние уральского рабочего составляли не дом и полученные от завода угодья, а то, что писатель метко назвал «живинкой в деле» – ценнейшие навыки в любом

труде, которые прирастают даже не собственным многолетним опытом, а поколениями сменяющих друг друга мастеров. Поэтому свою «особину» старые мастера старались передать по наследству родственнику либо особо доверенному ученику. Впрочем, помимо производственной, была здесь причина и нравственно-экономического свойства: «старые мастера боялись за свое положение» (2: 189), опасались, что на старости лет останутся без куска хлеба.

Среди наследников производственных секретов было немало талантливых фанатично преданных своей профессии людей, таких, например, как герой цикла сказов с участием Хозяйки Медной горы Данилка Недокормыш, сирота, отданный в ученики малахитчику Прокопьючу и под его началом, а также благодаря природному таланту выросший в Данилу-мастера. Но наставник передал Даниле только навыки своего ремесла, а тому хотелось большего. «Гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где?» – с горечью отвечал Данила на похвалу старых мастеров, что пришли поглядеть на его работу (1: 71). Здесь вступают во взаимодействие этика и эстетика творческого труда, здесь проходит невидимый водораздел между спецификой работы заводского рабочего или кустаря и земледельца.

Конечный результат труда крестьянина при всем его индивидуальном мастерстве и затратах энергии во многом зависит от капризов природы, а потому зачастую непредсказуем и переменчив. Предел совершенствованию заводскому работнику-творцу может положить только смерть. Только она одна являет собой некую высшую справедливость:

Ничто от роковых когтей,

Никая тварь не убегает:

Монарх и узник — снесь червей...⁵

Но, как считает Л. М. Слобожанинова, таким же воплощением «высшей справедливости» предстает в сказах П. П. Бажова Хозяйка Медной горы. Впрочем, как справедливо отмечал В. В. Блажес, всевластие Малахитницы ограничено строго определенной территорией, расположенной в границах Сысертского горного округа, точнее, его подземной части, а потому видеть в ней некую ипостась «безносой» оснований нет. Она хозяйка, вполне легитимная и всевластная с точки зрения обычного права владельца подземного пространства.

Напомню, что в дореволюционной России существовала неупорядоченность пользования земными недрами в том случае, если добываемые здесь полезные ископаемые не являлись объектом промышленного интереса владельцев заводских дач⁶.

Проблема старательского промысла не получала своего окончательного законодательного решения еще и потому, что в этом не были заинтересованы сами собственники заводов и закрепленных за ними огромных территорий. «Заводское начальство было уверено, что население, привязанное к месту домишками, покосами и микроскопическими хозяйствами не разбежится, если его еще слегка придерживать такими поводками, как... право «искаться в земле» (2: 270). Но если заводовладельцы источником подобного права полагали себя, то старатели, профессионалы и любители, зачастую считали это своим природным правом⁷, регулируемым и регламентируемым только некой «тайной силой» (1: 28). Иными словами, «тайная сила» с точки зрения обычного права становилась третьим полноправным участником территориально-производственных отношений в рамках «особого быта Урала».

И вот Данила отправляется к Хозяйке в Гору, движимый даже не желанием, а самой настоящей всепоглощающей страстью к совершенству, желая своими глазами увидеть эталон природной красоты Каменный цветок (1: 75–76). При этом П. П. Бажов точно указывает дату, когда это случилось: накануне праздника Воздвижения Креста Господня (14/27 сентября). Происхождение этого праздника церковные историки связывают с тремя событиями: победой

Константина Великого над своим соправителем Максенцием (311 г.), когда накануне решающей битвы император увидел на солнце лучезарный крест с надписью «Сим побеждай!»; обретением его матерью Еленой пребывавшего в забвении орудия страданий и символа вечной славы Спасителя креста (335 г.) и, наконец, возвращением в 614 году все того же Креста Господня из персидского плена.

Все три версии ассоциативно связаны с судьбой Данилы-мастера, его мучительными поисками идеальной красоты, готовностью ради ее обретения отказаться от всех радостей земной жизни и, наконец, возвращением к людям из подземного мира силою преданной любви невесты Кати.

Но больше того Воздвижение, которое называют в народе «змеиным праздником», связано с легендарным Каменным цветком. Первой рассказавшей о цветке подростку Данилушке бабушка Вихориха так и не смогла объяснить, в чем же состоит несчастливая сила колдовского цветка, однако поверья, связывающие этот цветок с праздником Воздвижения, помогают восстановить утраченное. Воздвижение — это пограничье между активным периодом жизни матери-земли и ее похожим на смерть зимним отдыхом. По народным поверьям это время битвы Правды и Кривды, того, что свято, и того, что нечисто.

Мать Сыра земля засыпает на несколько зимних месяцев для того, чтобы по весне оплодотворившись семенем разродиться осенью новым урожаем. Каменный цветок — это хтоническое растение во владениях Малахитницы, символ природного совершенства — набирает силу, когда земля, заснувшая мертвым зимним сном, уже не поможет ему превратиться в полноценный плод. Следовательно, при всей своей красоте он так же бесплоден, как и его каменная Хозяйка. Можно в точности повторить, сделать копию этого подземного чуда, но превзойти его невозможно, а это означает смерть творчества.

– Не найдешь, – восклицает пораженный красотой Каменного цветка Данила-мастер, – камня, чтобы так-то сделать.

– Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу, – отвечает ему Малахитница (1: 76).

Следовательно, исходя из идеальных народных представлений, П. П. Бажов писал не «о недостижимости абсолютного идеала в искусстве», как считает Слобожанинова⁸, а о трагических последствиях этого достижения. Тема вечная как искусство. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – за чем следует неминуемая расплата⁹.

И хотя преданная любовь Кати, Данилиной невесты, выручает мастера из добровольного плена Хозяйки Медной горы, душа его, остывшая, утратившая способность к мукам творчества, замирает. В «Хрупкой веточке» перед нами уже не охваченный страстью к совершенству молодой художник, а терпеливо несущий свой крест талантливый ремесленник, муж и отец, обремененный заботой о хлебе насущном и уже не способный в приступе яростной гордыни разрушить творение рук своих.

Кстати, Данила – имя также не случайно появившееся в этом сказе. Ведь имя – это судьба, Даниилом же звали одного из четырех «великих пророков». Еще в молодости тот был уведен в плен вавилонянами, на чужбине сделал блистательную карьеру, стал главой вавилонских мудрецов, попал в опалу, едва избежал смерти и остаток дней провел в пророческом созерцании судеб своего народа.

Невеста Данилы Катерина тоже носит знаковое имя святой, покровительницы горного дела. Именно в этой героине лучше всего отразились черты уральской женщины: верность, самоотверженность, трудолюбие – все это характеризует женщин любого региона России, но вот умение понимать и видеть красоту еще необработанного камня, а в случае надобности,

способность заменить мужчину-камнереза и сделать эту красоту доступной всем — это уже черта местная, региональная.

Сыновья Данилы и Катерины унаследовали, как водилось, не только отцовское ремесло, но и талант. Особенно мастерство в работе с камнем проявилось в третьем сыне Мите, Дмитрие - «посвященном Деметре», греческой богине, чья трагическая судьба олицетворяла связь между живым и мертвым, верхним и нижним мирами. Именно ему Хозяйка подсказала нужный материал и помогла достичь того, чего не удалось отцу. Из простого камня змеевика «живая ягодка-то вышла... В каждой яголке ровно зернышки видно и листочки живые, даже маленько с изъянами: на одном дырки жучком будто проколоты, на другом опять ржавые пятнышки пришлись. Ну, как есть настоящие» (1: 97).

Но и ему не принесли счастья ни талант, ни мастерство, ни выдумка. «Не твердого ума» барин цену и редкость природного материала ставил выше цены человеческих рук и таланта, а потому безжалостно растоптал в пыль уникальную Митину работу — хрупкую каменную веточку (1: 98-99).

Советская власть, казалось, должна была всякому труда обеспечить достойное и почетное место. И Бажов-публицист всей силой своего дарования старается это доказать. Однако Бажов-художник не столько понимал, сколько чувствовал: ремесло таких самодостаточных мастеров как старатели, камнерезы или ювелиры - «не по месту пришлось», не вписывается оно в социалистическую плановую экономику.

- Брось ты, тятя, своими камешками заниматься — урезонирует отца, искателя самоцветов, младший сын-колхозник. — Узенькое твое дело, мелкое, когда и вовсе напустую сходит... Много ли народа твой камешек увидят? Да и всяк ли разберет, что тут красота есть? Вот и выходит, по узкой тропочке твой камешек идет. Мало кому радость приносит...» (2: 172).

Так заявляет о себе еще одна этическая проблема творчества П. П. Бажова: взаимодействие красоты и пользы, правомерность той цены, которую человек готов заплатить за свой жизненный успех.

Так платой за свои достижения Данила готов положить не только собственную жизнь, но и судьбы близких любящих его людей — Кати, которую в его столь долгое отсутствие задразнили «мертвяковой невестой», Прокопчыча, так и не дождавшегося возвращения из подземного плена любимого ученика и воспитанника. Даже каменная Хозяйка, прежде чем показать Даниле Каменный цветок, напоминает ему о долге перед близкими людьми (1: 75). Однако Данила стоит на своем. Гордость его, похоже, переросла в гордыню - один из смертных грехов. В результате мастер оказался пленником «тайной силы» противостоящей вере и исповедуемым ею нормам христианской этики.

На то, что Хозяйка Медной горы враждебна в отношениях с церковью и тем, что с ней связано, писатель указывал неоднократно. Так малахитовое богатство Гумешек пошло на убыль, а потом рудник и вовсе затопило, потому что Хозяйка «огневалась» на его владельцев за то, что глыбы малахита, которые она помогла добыть Степану, пошли на изготовление колонн для самой главной церкви в «Сам-Петербурхе». Малахитовый убор, которым Хозяйка одарила жену Степана Настасью, не принес ей радости: «пойдет в церкву или в гости куда - замается» (1: 36). Танюшку, дочь Степана и Настасьи, а фактически собственную дочь и будущую помощницу¹⁰, Малахитница, обернувшись на этот раз странницей, ни разу не назвала ее крещеным именем (1: 42). Да и к холостым парням Хозяйка, возможно, особенно равнодушна еще и потому, что их жизнь и судьба не защищены святым таинством венчания¹¹.

Таким образом, мы выходим на проблему, которая может быть сформулирована несколько неожиданно: П. П. Бажов и христианство. На правомерность постановки подобной проблемы

указывает не только сам материал – рабочая этика, где христианский элемент присутствует безусловно, но и биография писателя, получившего образование в стенах пермской духовной семинарии, выпускавшей и прекрасных преподавателей для народных училищ, и знающих священников.

Разумеется, все сказанное выше, лишь малая часть того, что может быть рассмотрено в рамках заявленной нами темы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 488.

² Белов В. Д. Кустарная промышленность Урала в связи с горнозаводским делом // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности. Вып.16. СПб., 1887. С. 8.

³ Липатов В. Конец света. Уральский край в фольклоре и литературе // Родина. 2003. № 9. С. 89–92.

⁴ Геродот. История: В 9 кн. Л., 1972. Кн. 3: 106.

⁵ Державин Г. Р. Соч. М., 1985. С. 29.

⁶ Мамин В. Н. К вопросу о праве на недра земные // Екатеринбургская неделя. 1892. № 49; 1983. № 1, 3, 5, 7.

⁷ Липатов В. А. П. А. Шилков и его фольклорно-этнографические работы // Фольклор и историческая действительность. Свердловск, 1980. С. 131, 144-145.

⁸ Слобожанинова Л. Сказы – старины заветы. С. 76.

⁹ О трагических последствиях совершенства говорят и герои П. П. Бажова «Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит» (1: 61). Кто «цветок каменный видали, красоту поняли... Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет» (1: 72).

¹⁰ О возможности нечистой силы использовать женщин в качестве матерей-доноров не раз говорилось в народных поверьях.

¹¹ По учению церкви, в таинстве брака есть две стороны – видимая и невидимая. Видимая заключается в самом обряде венчания, под невидимой же подразумевается нисходящая на жениха и невесту благодать Божия.